

Игнатъева О. С. Проблема межконфессионального диалога в условиях глобализации мира.

Рассмотрены проблемы межрелигиозного диалога в условиях современного мира. Раскрыты основные особенности и факторы экуменизма, охарактеризовано позицию Англиканской церкви в экуменическом движении за единение и обновление Всемирной церкви.

Ключевые слова: экуменическое движение, экуменизм, межконфессиональный диалог, христианское единство, экклезиология.

Ihnatyeva O. The problem of interfaith dialogue in the process of world globalization.

The problem of interfaith dialogue in the process of the modern world is discussed. The main peculiarities and factors of ecumenism are found out and the position of the Church of England in the ecumenical movement for unity and renewal of the Worldwide church are characterized. The religion-studying analysis of the Anglican Communion activity which is directly influenced by the Church of England is made. The forms and the methods of the Anglicanism religious institutions missionary activity are examined. The peculiarities of the functioning of different religious trends that exist in modern England are shown, the place of Anglicanism in existing religious diversity and also the religiosity position of the English people, their religious preferences are determined. The holistic analysis of the English Church functioning in English socio-cultural and multidominational area and in the context of interfaith dialogue and ecumenical processes in contemporary Christianity are revealed.

The Church of England, which today comprises about one percent of the population is a consistent supporter of interfaith dialogue. It also participates in the work of the World Council of Churches and ecumenical contacts with different religious trends in Christianity. The Modern Church of England is opened to everything new in social, political and religious life. It is capable of renewal by redefining the initial ideas of the Christian religion, their understanding with regard to the processes in the modern world and in England in the XXI century.

The future of the Church of England depends on maintaining its status as a state church of England, on the inner understanding between representatives of different religious movements in this Church, on the ability to combine innovations with a commitment to traditional norms and values, on the real authority of the Church of England within the Anglican Community and the Christian Community as a whole.

Keywords: ecumenical movement, ecumenism, interfaith dialogue, Christian Community, ecclesiology.

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.

УДК 165. 722

Ю. Н. Киселева

Донецкий национальный технический университет

ОТ «СУБЪЕКТА» И «СУБЪЕКТИВНОСТИ» К «СУБЪЕКТНОСТИ»: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

Проблема «кризиса европейского субъекта» в значительной мере обусловлена наличием противоречий в категориальном аппарате, который требует уточнений: разграничения понятий «субъект», «субъективность» и «субъектность»; объединения гносеологического, антропологического и социологического элементов структуры субъектности как системной характеристики человека и общества.

Ключевые слова: субъектность, субъект, субъективность, парадигма субъектности.

Затянувшийся «кризис европейского субъекта», достигший своего апогея в ситуации «смерти субъекта» во второй половине XX века, заставляет представителей целого ряда наук задаваться вопросом: «кто придет после субъекта» [2]. Немаловажным фактором этого является «понятийный кризис» современного социально-гуманитарного знания, категориальный аппарат которого зарождается в эпоху Просвещения и с того времени не претерпевает существенных изменений [7]. Термин «субъект» входит во французский, а затем и в другие европейские языки в XVII веке в рамках достаточно специфического картезианского понимания; впоследствии же каждая историческая эпоха наполняет его собственными смыслами. Более того, сегодня в «прокрустово ложе» этой, по сути, все той же картезианской категории мы пытаемся втиснуть не соответствующие ей представления о человеке, например, эпохи Античности или Средних веков. Несовершенство категориального аппарата не может не отражаться на адекватности исследований в данной области, поэтому первостепенное значение в деле «поиска нового субъекта» имеет уточнение категориального аппарата данной дисциплинарной области и инструментов ее анализа. При этом, хотя количество работ, посвященных теме «субъекта», огромно, описанная терминологическая проблема находит отражение лишь в немногих работах, среди которых следует отметить работы М. Хайдеггера, Э. Балибара, Н. Пауэр, А. Н. Леонтьева, В. Е. Кемеров, С. Д. Дерябо, Ю. И. Прохоренко и др.

От гносеологического понимания («субъективность») к экзистенциальному и деятельностному («субъектность»). Для преодоления описанного категориального кризиса темы «субъекта» представляется необходимым разрешение ряда терминологических противоречий. Первое из них связано с диапазоном значений термина «субъективность». Этот термин формируется приблизительно в то же время, когда во французский, а затем и в другие европейские языки (предположительно, через работы Декарта) входит понятие

«субъект», обозначая, главным образом, содержание внутренней идеальной реальности человека, противопоставляемой реальности внешней, то есть «объективной». При этом теория познания, основываясь на предпосылках и принципах естественнонаучной теории, совершенно не учитывала особенность человеческой составляющей познания [14].

Даже в первой половине XX века «человеческому фактору» в теории познания не уделяется достаточного внимания. Но параллельно с этим гносеологическая интерпретация субъекта уже с конца XIX столетия подвергается критике со стороны представителей ряда философских направлений, таких как философия жизни, экзистенциализм, персонализм, прагматизм. С точки зрения их представителей, человек – это не только познающий субъект, но также субъект действующий, поэтому необходимо акцентировать внимание не только и не столько на познавательных, сколько на «жизненных», экзистенциальных аспектах человеческого бытия. Приблизительно в это же время тема субъекта входит в сферу интереса формирующихся в русле позитивистского мировоззрения прикладных наук о человеке и обществе (в первую очередь, социологии, психологии, педагогики), которые сосредотачивают внимание на деятельностных аспектах субъекта. А примерно со второй четверти XX века вопрос о субъективности вступает в «резонанс» с проблемой поиска собственно человеческих ресурсов развития общества. Продуктивность экономики, перспективность техники, обновление науки и культуры обнаруживают зависимости от энергии и качества деятельности индивидуальных субъектов. Поэтому проблема субъективности постепенно превращается в проблему субъектности индивидов как силы и формы развития социальности [11].

Другая сторона проблемы состоит в том, что в философии Нового времени человек, ставший теперь «субъектом», возносится на невиданную ранее высоту и, фактически, объявляется единственным центром и основанием бытия. Однако, парадоксальным образом, такое возвышение субъекта приводит к совершенно противоположному результату: в погоне за абсолютным, «объективным» знанием, одной из важнейших задач философии становится нивелирование собственно человеческих качеств самого субъекта как искажающих восприятие «объективного» мира. Поэтому понятие «субъективный» приобретает в этот период негативный оттенок, обозначая своего рода недостаток сознания, который должен быть преодолен. Необходимо признать, что такое понимание продолжает заявлять о себе и сегодня.

Таким образом, говоря о «субъективности», мы, фактически, остаемся в рамках картезианской интерпретации субъекта, несмотря на многовековые дискуссии по поводу необходимости ее преодоления. Целесообразным в этой ситуации представляется разведение значений терминов «субъективность» и «субъектность». Первое упоминание об этом появляется, очевидно, в работах М. Хайдеггера, где неологизмы «Subjektheit» и «Subjektität» указывают на экзистенцию субъекта, в отличие от слова «субъективность» («Subjektivität»), которое говорит о том, что субъект может чувствовать, воспринимать, понимать [1]. Хайдеггер вводит понятие «Subjektität» в эссе «Гегелевское понятие опыта», и в английском переводе 1970 года оно фигурирует как «subjectivity» [3]. Также можно встретить такие варианты английского перевода как «subjecthood», «subjectness» [4]. Э. Балибар обосновывает в ряде работ положение о том, что французский термин «sujet» изначально является некорректным заимствованием из латыни, в результате чего мы сегодня и обозначаем одним словом «субъект» как нейтральное безличное «подлежащее» – «subjectum», так и политический и юридический термин «subjectus» [9]. Он предлагает ввести третий термин – «subjectité», «кальку» с «Subjektheit» или «Subjektität» Хайдеггера.

Тем не менее, нельзя сказать, что в европейских языках эти неологизмы обретают популярность. По-видимому, в связи с тем, что в западноевропейском пространстве трансформация представлений о субъекте и субъектности происходит постепенно в течение всего XX столетия, термины «subjectivity» (англ.), «subjectivité» (фр.), «Subjektivität» (нем.) постепенно вбирают в себя новые смыслы, и во введении таких дополнительных терминов, как «subjectity», «subjectité», «Subjektität», просто не возникает потребности.

В отличие от западной науки, в русско- и украиноязычном научном сообществе аналогичное решение, предложенное в конце XX века в области психологии, быстро «приживается» и проникает в другие отрасли знания, в том числе, в философию. По-видимому, в связи с исторически сложившимся преобладанием гносеологической и объективно-материалистической интерпретации понятия «субъективность», здесь формируется потребность во введении дополнительного термина для обозначения экзистенциальной и деятельностной сторон бытия субъекта. Таким термином становится неологизм «субъектность», впервые использованный А. Н. Леонтьевым в работе «Деятельность. Сознание. Личность» (1977). А. Н. Леонтьев подчеркивает необходимость выбора именно такого термина, очерчивая семантическую пару «субъективизм – субъектность», и

предлагает понимать под субъектностью определенный набор качеств, характеризующих сферу деятельностных способностей человека, его способность к самодетерминации, творческой активности и пр.. Как отмечает С. Д. Дерябо, слово «субъектный» образовано от «субъект» с помощью суффикса – н-, имеющего лишь грамматическое значение суффикса прилагательного. Иными словами, он не привносит в слово дополнительного семантического значения: субъектный – значит лишь «принадлежащий, относящийся к субъекту». То есть этот термин лишь обозначает системное качество субъекта, сам факт его наличия как такового, не выдвигая при этом никаких предварительных гипотез о его сущности. В термине же «субъективный» явно доминирует сема адекватности (неадекватности) отражения субъектом объективного бытия [6]. Таким образом, морфологическое различие слов «субъективность» и «субъектность» позволило провести черту между характеристиками познавательных способностей человека (обозначенных термином «субъективность») и его деятельностной, экзистенциальной сферы (что стало содержанием понятия «субъектность»).

Здесь, однако, открывается еще одна понятийная неоднозначность, связанная разграничением «сфер влияния» терминов «субъективность» и «субъектность». Сегодня два этих термина должным образом не разграничиваются и зачастую употребляются как взаимозаменяемые. Однако сам подход, предлагающий четкое разведение двух качеств субъекта, характеризующих соответственно две его способности – когнитивную и деятельностную и «закрепление» за ними, соответственно, терминов «субъективность» и «субъектность» представляется перспективным не только для русско- и украиноязычной, но и для мировой науки. Возможно, еще в начале неклассического периода философии первым борцам с гносеологизмом картезианского понимания субъекта как раз и следовало бы начать с такого разграничения понятий?

От сущностной категории («субъект») к категории качества («субъектность»). Вторая терминологическая проблема связана с жесткой привязкой категории «субъект» к строго определенной философской традиции. Действительно, под «субъектом» сегодня чаще всего понимается человек, носитель таких качеств как автономность, противопоставленность миру как объекту, самодетерминация, активность, внутренняя целостность и неделимость. Строго говоря, такое понимание справедливо лишь для европейской нововременной модели субъекта (или же картезианской парадигмы субъектности), только в рамках которой и стало возможным появление термина «субъект» и приписывание ему привычных нам сегодня значений. В средневековом или античном мировоззрении не могло появиться ни такой категории, ни подобной интерпретации человека. Спорным является и соответствие картезианской интерпретации современным тенденциям философской мысли: ведь уже И. Кант своим «коперниканским поворотом» вносит значительные коррективы в эту модель. В ранних работах неклассического периода философствования картезианская модель субъекта подвергается еще более резкой критике. И, наконец, заявление о «смерти субъекта», впервые явным образом сформулированное М. Фуко в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966) и ставшее своего рода лозунгом постмодернистской философии, ставит вопрос об отказе от самой категории «субъект».

Итак, каждая историческая эпоха «создает» своего собственного субъекта, наполняя новыми смыслами все ту же картезианскую категорию «субъект». Более того, в «прокрустово ложе» этой категории мы пытаемся втиснуть также представления о человеке, например, эпохи Античности или Средних веков.

Таким образом, категория «субъект» лишь с натяжкой может использоваться для характеристики других эпох или культур. Однако, если мы и не можем с полным правом назвать, например, христианина эпохи Средневековья «субъектом» в современном смысле, можем ли мы утверждать, что он вообще не обладал в той или иной мере «субъектными качествами»? Очевидно, нет – пожалуй, это означало бы, что он не был и человеком. Таким образом, вероятно, следует вести речь не о несостоятельности категории «субъект» вообще, но скорее о переносе исследовательского интереса со статичной категории «субъект», фиксирующей конкретный исторический тип «субъекта», на категорию, выражающую определенное качество – «способность быть субъектом». И уже это качество может быть в той или иной степени присущим человеку любой исторической эпохи. В этой роли также может выступить категория «субъектность». Такой подход позволит достаточно корректно отразить историческую динамику категории «субъект», обозначая не самого «субъекта», но степень выраженности определенного качества в разные исторические периоды или в разных культурах. Утверждение о том, что некто обладает качеством «субъектность», не дает никаких указаний на то, о субъекте в каком понимании идет речь. Если же принять допущение, что субъектность является имманентной характеристикой человека, а ее формы (типы, парадигмы) могут изменяться в исторической и географической перспективе, ее можно представить как переменную, номинально присущую любой культуре или эпохе, но

фактически принимающую разные значения.

Таким образом, в дисциплинарном плане корректным будет отнесение категории «субъект» как объекта исследования к области истории философии как феномена, имевшего место в строго определенном временном и географическом промежутке. Для постановки же вопроса, например, в области социальной философии или антропологии будет более корректной полемика не о «субъекте средневековья», но о средневековом типе (или парадигме) субъектности (несмотря на то, что такой тип субъектности, фактически, является антиподом современному) или об античной парадигме субъектности (хотя в эту эпоху не существовало не только адекватного референта этой категории, но и ее самой). Такое понимание может обеспечить более аутентичное понимание разных исторических эпох без навязывания им одной и той же, картезианской, интерпретации.

«Субъектность»: от набора качеств к системной антропологической характеристике. Третья терминологическая проблема связана с полем значений категории «субъектность». Давно вышедшая на междисциплинарный уровень, эта категория активно используется широким кругом социально-гуманитарных наук. Однако, интерес со стороны различных наук отнюдь не способствует построению целостной картины исследуемой области. Каждая из отраслей знания акцентирует внимание на одной из граней изучаемого объекта – гносеологической, антропологической или социологической, в результате чего складывается впечатление, что существует несколько автономных линий рефлексии о субъекте, каждая из которых освещает одну из его граней, представляя ее как нечто целостное и всестороннее. В связи с этим представляется необходимым обобщение существующих определений «субъектности» с целью объединения отдельных граней рефлексии о субъекте – гносеологической, антропологической и социологической и разработка целостной модели субъекта.

В общем виде в понимании субъекта в психологии, педагогике, социологии и других науках о человеке и обществе делается акцент на понимании его как субъекта жизнедеятельности, что означает способность к самодетерминации и саморазвитию, активность и ряд других качеств. В частности, А. А. Тимошенко определяет субъектность как «проявление авторского характера активности личности, которая выражается в жизнетворчестве, саморазвитии личности как субъекта деятельности» [18]; В. А. Петровский – как «способность человека быть действительным фактором собственного бытия в мире и осознавать это, что, в частности, проявляется в актах свободного выхода за пределы установленного» [16] и как «способность воспроизводить себя, быть причиной своего существования в мире»; Е. Ю. Коржова – как «способность активно участвовать в процессе жизнедеятельности и тем самым выстраивать свое бытие» [13]. Согласно С. Л. Рубинштейну, субъекта характеризуют такие качества, как активность, способность к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию. И. В. Дуденкова указывает также на принцип автономии разума и принцип рефлексии. Е. Н. Волкова определяет субъектность через категорию «отношение»: отношение к себе как к деятелю и такое же отношение к другим людям [5]. С. Я. Дерябо выделяет три основных свойства человека, выражающих субъектность: самоупорядочивание, самопричинение и саморазвитие [6]. Н. В. Богданович закрепляет за понятием «субъектность» значение особого личностного качества, связанного с активно-преобразующими свойствами и способностями, связывая ее с так называемыми «самостными процессами», происходящими внутри человека: самоопределением, самосознанием, саморегуляцией, субъектификацией и др. А. Г. Дугин подчеркивает, что, в классическом понимании западноевропейской философии субъект – это «волевое рациональное начало». О. А. Коваль предлагает использовать для определения субъекта определение монады Лейбница: «всякое сущее определяется стремлением к чему-либо, чтобы осуществить себя и таким образом достичь присущей ему субстанциальной полноты» [12]. А. Н. Ильин указывает, что субъектность находится в едином онтологическом пространстве со свободой и ответственностью [8]. Ряд определений включает также познавательные способности субъекта. С. С. Кашлев и С. Н. Глазачев определяют субъекта как «носителя предметно-практической деятельности и познания в той мере, в какой он включается посредством реальной деятельности в процесс непосредственного преобразования и познания окружающей действительности» [10]. И. А. Серегина предлагает четырехфакторную структуру субъектности, включающую сознательную творческую активность, способность к рефлексии, осознание собственной уникальности, понимание и принятие другого [17]. Важным моментом также является акцент на подвижность субъектности. Как замечает К. А. Абульханова, «субъект не является эталоном, высшей точкой развития, а постоянно решает задачу своего совершенствования».

Приведенные определения – лишь немногие примеры, иллюстрирующие общую направленность представлений о возможном перечне качеств, составляющих содержание

суб'єктності. Обобщая выделенные в них, а также в подходах других авторов, элементы, можно предложить следующую структуру субъектности как характеристики способности человека «быть субъектом»:

– субъективный модус, характеризующий субъекта как субъекта познания и выражающий его познавательную способность, направленную как на внешний мир (познание, рефлексия), так и на себя самого (самоосознание, саморефлексия) – т.е. гносеологическое измерение субъектности;

– интрасубъектный модус, характеризующий субъекта как субъекта собственной жизни и выражающая его активность по отношению к самому себе, способность быть фактором собственного бытия в мире и осознавать это, возможность самодетерминации, самосозидания, осознание своей свободы и автономности – т.е. антропологическое измерение субъектности;

– интересубъектный модус, характеризующий субъекта как субъекта социального действия и взаимодействия и выражающая его творческую преобразовательную активность, степень «участия в мире» – т.е. социальное измерение, выражающее модель взаимодействия субъектов в их практической деятельности в мире.

При этом авторы концепций субъектности подчеркивают ее системный, интегральный, сложносоставной характер. И. А. Шурыгина сравнивает субъектность как наиболее полную и всестороннюю функциональную характеристику человека с личностью как столь же всесторонней содержательной характеристикой. По мнению А. Н. Ильина, субъектность должна рассматриваться как «метаатрибутивная (или надатрибутивная) характеристика субъекта, «вбирающая» внутрь себя все качества, присущие субъекту», а А. В. Брушлинский, подчеркивает, что «трактовка человека как субъекта помогает целостно, системно раскрыть его специфическую активность во всех видах взаимодействия с миром».

Понимаемая указанным образом категория «субъектность» включает в себя и «субъективность» как один из модусов (гносеологический), чем еще раз уточняет логику разграничения их значений. В целом же субъектность в данной интерпретации может пониматься как системная функциональная характеристика человека, обуславливающая его способность быть субъектом познания, деятельности и взаимодействия. Проецируемая же с индивидуального (антропологического) на социальный уровень, эта категория обретает также социальное измерение и может пониматься уже не как характеристика индивида, но как характеристика той или иной социальной системы.

Итак, три выделенных компонента или измерения субъектности как атрибутивные характеристики человека, в совокупности образуют его системную характеристику «способность быть субъектом», т.е. субъектность. В то же время они задают три возможных направления рефлексии о субъектности – гносеологический, антропологический и социологический – которые пронизывают все уровни индивидуального и социального бытия, позволяя в полной мере раскрыть их глубину. Таким образом, происходит перенос внимания с основного вопроса классической философии (как и при каких условиях осуществляет познание субъект и как должна быть организована его субъективность для достижения объективного знания), на вопрос о том, каково бытие познающего субъекта» [15], то есть о том, как организована его субъектность.

Предложенные уточнения категориального аппарата темы «субъекта» позволяют преодолеть исторические искажения и «осовременивание» ее значений, неизбежные при использовании в качестве объекта анализа категории «субъект»; гносеологическую редукцию, неизбежную при использовании категории «субъективность»; а также «разорванность» поля значений категории «субъектность» вследствие односторонности ее интерпретации в отдельных социально-гуманитарных дисциплинах. Объединение же гносеологического, антропологического и социологического аспектов интерпретации этой категории позволяет говорить о субъектности как о системной характеристике человека и общества.

Библиографические ссылки:

1. Bogatov M. Zwei Aristoteles in der Werke von M. Heidegger / M. Bogatov // Санкт-Петербургское философское общество, 2012.
2. Who Comes After the Subject? / [ред. Cavada E., Connor P., Nancy J.-L. – New York: Routledge, 1991.
3. Heidegger M. Hegel's Concept of Experience / Heidegger M. – San Francisco: Harper & Raw Publishers, 1989.
4. Power N. Philosophy's subjects / N. Power // Parrhesia, 2007, № 3 – с. 55–72.
5. Волкова В. О. Духовно-практическая компетенция как принцип субъектности человека / Волкова В. О. – Москва, 2006. – 395 с.
6. Дерябо С. Д. Личность: от субъективности к субъектности / С. Д. Дерябо // Развитие личности, 2002, № 3 – с. 261–265.
7. Загладин Н. Как сочетаются базовые тренды современности / Н. Загладин, Е. Гонтмахер // Форсайт центр,

2012.

8. Ильин А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры) / Ильин А. Н. – Омск: Амфора, 2010. – 376 с.
9. Кассен Б. Sujet / Б. Кассен, Э. Балибар, А. Либеря; [ред. Б. Кассен] // Европейский словарь философии: Лексикон неперекладностей: в 2 т. – Київ: Дух і літера, 2009. Т. 1. – С. 148–173.
10. Кашлев С. Субъектность как профессиональная компетентность педагога / С. Кашлев, С. Глазачев, Н. Соколова // Вестник международной академии наук (русская секция), 2011, Специальный выпуск. – с. 20–25.
11. Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности / В. Е. Кемеров // Вопросы философии, 1999, № 7.
12. Коваль О. А. Субстанция и субъект в философии Г. В. Лейбница / О. А. Коваль – Спб, 2000. – 168 с.
13. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека / Е. Ю. Коржова.- Союз, 2001.
14. Микешина Л. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Микешина Л. – Москва, 2005.
15. Невважай И. Д. Проблема бытия субъективности в универсуме / И. Д. Невважай// Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 13-й международной конференции молодых ученых 26-30 декабря 2002 г.
16. Петровский В. А. Личность в психологии. Парадигма субъектности / В. А. Петровский – Ростов-на-Дону, 1996.
17. Серегина И. Психологическая структура субъектности как личностного свойства педагога / И. Серегина – Москва, 1999.
18. Тимошенко А. А. Формирование субъектной ориентированности личности будущего практического психолога / А. А. Тимошенко.- Киев, 2000.

Кисельова Ю. М. Від «суб'єкта» та «суб'єктивності» к «суб'єктності»: термінологічні пошуки

Проблема «кризи європейського суб'єкта» значною мірою обумовлена наявністю суперечностей у категоріальному апараті, що вимагає ряду уточнень: розмежування понять «суб'єкт», «суб'єктивність» і «суб'єктність»; об'єднання гносеологічного, антропологічного та соціологічного елементів структури суб'єктності як системної характеристики людини і суспільства.

Ключові слова: суб'єктність, суб'єкт, суб'єктивність, парадигма суб'єктності.

Kyselyova Yu. From “subject” and “subjectivity” to “subjectivity”: an attempt of terminological analysis

Actual contemporary problem of the «crisis of the European subject» is largely caused by several terminological inaccuracies which require a number of clarifications. In particular, a term «subjectivity» should be added to the philosophic vocabulary and vocabularies of other humanities and social sciences and a clear distinction between the concepts of «subjectivity» and «subjectivity» should be determined. These two terms should characterize the two qualities, two abilities of a subject – cognitive capacity and agency. It's also seems useful to transfer the research interest from the static category «subject», fixing a particular historical type of «subject» – European subject of the age of Modernity, to the dynamic category that points to the very quality of being a subject and can vary from age to age. The term «subjectivity» seems to be the most suitable term for this.

There is also a need to overcome the dissociation of the field of values of the «subject» term by combining its epistemological, anthropological and sociological aspects in a general structure of subjectivity which thus determines his ability to be the subject of cognition, action and interaction and can be considered as a system specifications of the person and society. The structure of subjectivity includes three elements (modes): subjective (epistemological dimension of subjectivity), intrasubjective (anthropological dimension) and intersubjective (social dimension). Taken together these three modes of subjectivity form the fourth (ontological) mode of subjectivity, which also determines the three relevant areas of the reflection about the subject and transfuses all levels of individual and social life.

The type of subjectivity differs from age to age and from culture to culture, so it can serve as a criterion of periodization of historical ages and be the basis for typology of cultural systems, reducing them to a «common denominator». The synthesis of epistemological, anthropological and sociological aspects of the interpretation of subjectivity allows considering it as the system characteristics of the man and the society.

Keywords: subjectivity, subject, subjectivity, paradigm of subjectivity.

Надійшла до редколегії 25.02.2013 р.

УДК 1 (091) : 008

М. Г. Кітов

Національний університет харчових технологій

«ФІЛОСОФІЯ В РОСІЇ», «РОСІЙСЬКА ФІЛОСОФІЯ», «РУСЬКА НАЦІОНАЛЬНА ФІЛОСОФІЯ»: ЕКСПЛІКАЦІЯ ПОНЯТЬ

**«Немає нещастя гіршого того, коли людина починає боятися істини, щоб вона не викрила її»
(Паскаль)**

Дається історичний аналіз розрізнення термінів «філософія в Росії», «російська філософія», «руська національна філософія» в працях російських філософів. Обґрунтовується думка, що термін «руська національна філософія» відображає, як історичні особливості формування руської людності, так і специфічні ознаки їх філософування. Серед них багато інородців, які, проте, ідентифікують себе руськими.

Ключові слова: варяги, руси, консорція, філософія, філософія в Росії, національна філософія, руська національна філософія.